

В.К. Кантор (Москва)¹

КОНСТАНТИН КАВЕЛИН – НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ ОБЩЕСТВОМ МЫСЛИТЕЛЬ²

1. Зачем нам история?..

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – один из самых крупных и влиятельных мыслителей 40-80-х гг. XIX в., первый мыслитель, вполне сознательно объявивший себя либералом и западником. Историк, философ, правовед, публицист и мемуарист, он оказал неизгладимое влияние на разработку проблем русской философии истории и культуры – и прежде всего именно ему принадлежит впервые отчетливо поставленная проблема бытия личности в России. Оглядываясь на русское прошлое, он сурово отмечал: «У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; с XVIII в. оно стало действовать и развиваться»³. Но в этой суровости был и элемент надежды. Все-таки личность появилась, а потому появился шанс на выход из многовекового безмолвия и замкнутой в себе жизни, чтобы страна из этнографического объекта превратилась в вещь для себя, в самостоятельную величину.

К 40-м гг. XIX в. история приобрела впервые статус самостоятельной дисциплины, а русские историки по влиянию своему на публику, по интересу, вызываемому их концепциями, могли соперничать с писателями и критиками. Развитие великой русской литературы было бы невысказано без великих философов и историков, без полноценной духовной жизни, то есть того напряженного интеллектуального поля, которое определяло проблемы и направление русской культуры. Разные концепции исторического развития России, оказывая влияние на общественно-литературную борьбу, безусловно лежали в основе и многих собственно литературно-критических анализов произведений искусства.

¹ Профессор философского факультета Государственного университета – Высшей школы экономики

² Индивидуальный исследовательский проект В.К. Кантора, профессора философского факультета ГУ-ВШЭ № 10-01-0033 «Крушение кумиров: критический пафос русской философии» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

³ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Составление и вступительная статья В.К. Кантора. Подготовка текста и примечания В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. М., 1989. С. 66 (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

Но как совмещалась идея об отсутствии личного характера русской истории с появлением искусства нового типа – хотя бы с творчеством Пушкина? Значит, в какой-то момент наступил пересечение наиболее болезненных тем, над которыми размышляли русские писатели. Как и Кавелин, Пушкин полагал: «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной»¹. XVIII в. – это период петровских реформ, укрепления государственного могущества и выход России на сцену европейской истории. Случайно ли это совпадение: укрепление государства и становление личности? Того самого государства, которое чуть не раздавило – каждого по-своему – Чаадаева и Гоголя, которому так отчаянно сопротивлялся Лермонтов и позитивный смысл деяний которого пытался понять Пушкин, говоря, что государство – единственный европеец в России, связывал появление новой литературы с реформами Петра.

Это была одна из центральных проблем русской духовной жизни, весьма важная для самоопределения русской жизни и культуры. Нужна была историософская концепция, которая увязала бы распадавшиеся противоречивые факты взаимоотношений личности и государства. Одной из самых существенных попыток такого рода стало творчество Константина Дмитриевича Кавелина.

2. Формула русской истории

Выросший в семье, принадлежавшей, по определению Ф.М. Достоевского, к «средне-высшему кругу» русского дворянства, Кавелин отказывается от традиционной для этого служилого сословия военной или чиновной карьеры. Его влечет научная деятельность, желание понять окружающую действительность, выступить не педантично отвечающей за свое место в мире. Учеба в университете укрепляла тягу юноши к научным занятиям. Несмотря на сопротивление семьи (профессорство казалось матери Кавелина лакейской должностью), он с начала 40-х гг. читает в Московском университете лекции по истории русского права. Тогда же он тесно сошелся с А.И. Герценом, который позднее, в «Колоколе» 1861 г., с любовью вспоминал Кавелина, ставя его в ряд ведущих деятелей русской

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 226.

культуры: «Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин – все это наши товарищи, студенты Московского университета»¹.

Первые лекции и первые, еще не вызвавшие заметного шума в публике журнальные публикации Кавелина обратили на себя внимание одного из самых пронизательных критиков 40-х гг. – Валериана Майкова. В статье 1846 г. он сравнивает деятельность Кавелина в науке с переворотом, произведенным в искусстве Н.В. Гоголем: «В то же время, как зарождалось у нас, славянофильство, зарождался и противоположный взгляд на прошедшее и настоящее России. Это был взгляд спокойного, беспристрастного анализа, взгляд, который сначала произвел такой же ропот в науке, как сочинения Гоголя в искусстве, но который мало-помалу делается господствующим. В последнее время представителями его являются профессора Московского университета, гг. Кавелин и Соловьев, которым, может быть, суждено сделать для русской истории то же, что сделал Гоголь для изящной литературы»².

Но заметное влияние Кавелина на русскую общественную мысль надо отсчитывать с 1847 г., когда в журнале «Современник» публикуется его статья «Взгляд на юридический быт древней России». Статья эта была составлена из его лекций по просьбе В.Г. Белинского, считавшего выраженный в этих лекциях взгляд «гениальным». На статью обрушились славянофилы (Ю. Самарин), в ее защиту выступил Белинский; полагавший, что статья Кавелина – эпоха в истории русской истории, с нее начнется философическое изучение нашей истории.

Прежде чем формулировать историософскую позицию Кавелина, стоит посмотреть, в контексте каких идей и проблем она зародилась и ответом на какую позицию была. Как известно, в XIX в. первой попыткой философии русской истории явилось «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, опубликованное в 1836 г. в «Телеграфе». Журнал, опубликовавший это письмо, был закрыт, цензор отстранен от должности, редактор сослан, а сам автор объявлен сумасшедшим. Причиной тому был поразительно мрачный взгляд мыслителя на историю России и на ее настоящее. Письмо это было воспринято современниками как «обвинительный акт» против Рос-

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. XV. М., 1958. С. 20. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

² Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 47-48.

сии. Да и позднее; даже смягченное временным расстоянием, такое отношение к первому чаадаевскому письму сохранялось. Действительно, оптимизма было в первом письме Чаадаева маловато: «В самом начале у нас дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое унижительное владычество завоевателей, владычество, следы которого в нашем образе жизни не изгладились совсем и донныне. Вот горестная история нашей юности... Мы живем в каком-то равнодушии ко всему в самом тесном горизонте без прошедшего и будущего. <...> Мы идем по пути времен так странно, что каждый сделанный шаг исчезает для нас безвозвратно. Все это есть следствие образования совершенно привозного, подражательного. У нас нет развития собственного, самобытного...»¹ Но в такой позиции и была **постановка проблемы**.

По сути дела, Чаадаев заявил, что Россия и Западная Европа развиваются на разных основаниях, ибо Россия не имела **личностей**, способных определить ее самобытно-прогрессивное движение. Славянофилы, опровергая Чаадаева, тем не менее признали «разность оснований», все заимствования и подражания объявив случайностью; они искали национальную самобытность в общинности, православной соборности, отказе народа от политической жизни, отсутствии активной личностной деятельности, – то есть те определили, которые выступали у Чаадаева со знаком минус, получили у них положительную оценку. Однако и Чаадаев, и славянофилы, по замечанию П.Н. Милюкова, «искали идеи в истории, <...> стояли высоко над материалом, над действительностью в русской истории, не только не объясняя ее, но даже и не соприкасаясь с ней»². В этих словах есть явное преувеличение, но все же именно Кавелин был первым профессиональным историком, «работавшим в материале» и при этом сумевшим философски подойти к проблемам истории, дать «свою формулу русской истории»³.

Что же он сказал в своей статье? А то, что «внутренняя история России – не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, – стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда са-

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 477, 478.

² Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1906. Кн. VI. С. 82.

³ Там же. С. 80.

мостоятельной, даже во время и после, реформ. Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде — русскими славянами». (Кавелин, 65). Вопрос этот стоит прояснить. Кавелин искал через свою «формулу» исторического развития России путь не к «самодостаточной» (в отличие от славянофилов), а к «общечеловеческой жизни». Как ему казалось, он нашел и ценностную точку отсчета, способную дать единство мировому прогрессу, на которую этот прогресс может опереться — **личность**. На Западе, писал он, «человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами, у нас он вовсе не жил, и только начал жить с XVIII века. Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один». (Кавелин, 66).

Нельзя, однако, забывать, что и Европа прошла период дикости, даже людоедства (там еще в IX в., по словам Гегеля, «на рынках открыто продавалось человеческое мясо»¹), пережила самые архаичные формы быта, но под влиянием христианства, обогащенного возвращением к античности, на почве которой укрепились германские племена, процесс гуманизации шел достаточно успешно, не прерываемый нашествиями извне, дойдя до Возрождения. И все это в отличие от Руси, испытавшей страшные разрушения татаро-монгольского завоевания, вполне напоминающие катастрофические последствия эпохи переселения народов. «Образующее просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»² В результате татаро-монгольского ига в России устанавливается «монгольское государственное право», по которому «вся вообще земля, находившаяся в пределах владычества хана, была его собственностью»³. Не только о праве на собственность, но о праве на собственную жизнь не могло идти речи. Жизнь человеческая перестала цениться. Московские самодержцы, как замечал Герцен, переняли монгольские принципы управления. После разгрома Новгорода (до которого не докатилось татарское нашествие) последовательно Иваном III, а затем Иваном IV — о правах лично-

¹ Гегель. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 352.

² Пушкин А.С. Ук. соч. Т. VII. С. 306.

³ Неволин К.Н. История российских гражданских законов // Неволин К.Н. Полн. собр. соч. Т. IV. СПб., 1858. С. 136.

сти было прочно забыто. И все же, когда произошло некоторое успокоение исторической жизни, ее, так сказать, «нормализация» (воспользуюсь термином Д. Фурмана), постепенное возвращение России в Европу¹, возникает и внутренняя потребность культуры в появлении личности как естественного инициатора внутреннего развития. Кавелинские поиски предпосылок, позволявших надеяться, что личность не привозной плод, не заморское растение, которое погибнет, не приживется на российской почве, были обусловлены требованием времени, наиболее чутко выразившимся в литературе. Уже состоялся Пушкин, который не только, как замечал Белинский, сумел усвоить навсегда русской земле поэзию как искусство, но и усвоил России всю европейскую культуру в основных ее проявлениях. Кавелинские поиски предпосылок, позволявших надеяться, что личность не привозной плод, не заморское растение, которое погибнет, не приживется на российской почве, были обусловлены требованием времени. Пушкин своим творчеством показал возможность в России незамкнутой, развивающейся, открытой и отзывчивой личности. Необходимо было историческое обоснование этого феномена.

3. Споры вокруг Кавелина

Строго говоря, Кавелин принял чаадаевский ход мысли, что история движется там, где есть развитая личность, что только при этом условии страна входит в круг цивилизованных наций, способных к прогрессу образования, просвещения, промышленности. Для народов, утверждал он, призванных ко всемирно-исторической деятельности, существование без начала личности невозможно. Личность есть необходимое условие духовного развития народа. А спустя менее, чем двадцать лет, в 1863 г., «на чтениях в профессорском клубе» в Бонне об освобождении крестьян, он в своем «Кратком взгляде на русскую историю» четко сформулировал: «Если мы — европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немыслим человеческий быт» (Кавелин, 162). Дело в том, что и Чаадаев, и славянофилы апелли-

¹ «Но и в эпоху бурь и переломов, — писал Пушкин, — цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою» (Пушкин А.С. Ук. соч. Т. VII. С. 307).

рвали к Европе, как точке отталкивания. Чаадаев утверждал, что русские не европейцы; славянофилы же, что именно русские и есть европейцы, что подпочва Европы славянская, но русские – другие европейцы, нежели на Западе, с другой (истинной) христианской верой и другой ментальностью (общинностью вместо западной индивидуальности). Заслуга Кавелина перед русской общественно-литературной мыслью, его успех объясняются тем, что он дал личностную, и в этом смысле антиславянофильскую, но **оптимистическую** (и потому – античаадаевскую, не отвергавшую, а преодолевавшую Чаадаева) версию русской истории. По Кавелину, распадение родового быта, укрепление быта семейного, последующий его кризис привели к возникновению могучего государства в России. А «появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности» (Кавелин, 48).

Отвечая на кавелинскую статью в «Современнике», Ю. Самарин в «Москвитяине» за 1847 г. сформулировал это понимание: «Общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия». В защиту Кавелина выступил Герцен, но уже из-за рубежа, ибо мог там свободно договорить то, что нельзя было сказать в русской цензурной печати. «В возражении «Москвитянина», – писал Герцен в трактате «О развитии революционных идей в России», – почерпнувшем свои доводы в славянских летописях, греческом катехизисе и гегельянском формализме, опасность, которую представляет собой славянофильство, становится очевидной. Автор-славянофил полагал, что личный принцип был хорошо развит в древней Руси, но личность, просвещенная греческой церковью, обладала высоким даром смирения и добровольно передавала свою свободу особе князя... Этот дар самоотречения и еще более великий дар – не злоупотреблять им – создавали, по мнению автора, гармоническое согласие между князем, общиной и отдельной личностью, – дивное согласие... на замечание, что все мы рабы, что личное право не развито в России, отвечают: “Мы спасли это право, увенчав им князя”. Это издевка, возбуждающая презрение к человеческому слову» (Герцен, VII, 244-246).

Кавелин связывал развитие личности с самодержавным государством, от него ожидая свобод. Отметим, что наиболее суровый

приговор этой концепции, связывавшей свободу личности в России с самодержавием, был произнесен русскими мыслителями XX в., пережившими опыт революции и сталинизма. «Русская интеллигенция», – писал в статье “Россия и свобода” Г. Федотов, – предпочла усвоить московскую историческую традицию митрополита Макария и Степенной Книги, пропущенную сквозь Гегеля. С необычайной легкостью, без ощущения всего трагизма русской истории, она вслед за Соловьевым и Ключевским (которые шли здесь за Кавелиным. – В.К.) – приняла, как нечто нормальное (вроде европейского абсолютизма), московско-татарское поглощение Руси, с непонятным оптимизмом ожидая всходов западной свободы на этой почве»¹.

4. Противостояние «николаевщине»

Уход Кавелина в 1848 г. из университета совпал с наступлением так называемого «мрачного семилетия». Европейские революции оказались поводом для внутривосточных репрессий. В своих мемуарных «Записках» С.М. Соловьев так вспоминал это время: «В событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не скрывал своей ненависти к профессорам. <...> Это был стрелецкий бунт своего рода; грубое солдатство упивалось своим торжеством и не щадило противников, слабых, безоружных. <...> Стоило только Николаю с товарищами немножко потерять лоск с русских людей – и сейчас же оказались татары. <...> Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще надобно было продолжать возвращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось»². Картина, как видим, нарисована безрадостная, хотя очень даже знакомая человеку, выросшему уже в середине XX столетия в России.

Но все это не поколебало кавелинскую «формулу» русской истории. В сентябре 1848 г. он писал Грановскому: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, – только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни». А в том, что культура, просвещение, национальная жизнь и литера-

¹ Федотов Г.П. Россия и свобода. Сборник статей. Нью-Йорк 1981. С. 190.

² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVIII. М., 1995. С. 620-621.

тура должны быть самостоятельны и что это совместимо с абсолютизмом, Кавелин был уверен вполне. Поэтому так энергично выразился он по поводу смерти Николая спустя семь лет, в марте 1855 г.: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, — это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы — околел, наконец, и это сушая правда! До сих пор как-то не верится! Думаешь, неужели это не сон, а быль?.. Экое страшилище прошло по головам, отравило нашу жизнь и благословило нас умереть, не сделавши ничего путного! Говори после этого, что случайности нет в истории и что все совершается разумно, как математическая задача. Кто возвратит нам назад тридцать лет и призовет опять наше поколение к плодотворной и вдохновенной деятельности!»¹

Но складывать руки Кавелин — «оптимист», «вечный юноша», по определению современников, — не собирался, тем более что правление Николая для него — историческая случайность. Он опять начал читать лекции, и они имели успех, казались одним из факторов обновления жизни, его новые выступления в печати и исследования русской истории оказывали бесспорное влияние на духовную жизнь общества. В журналах писали: «...Разработка русской истории, благодаря трудам новой исторической школы (гг. Соловьев, Кавелин и др.), получила для общества важность, какой не имела прежде»².

Однако Кавелин был занят еще и потаенной работой, начало которой относится еще к периоду до смерти Николая. Вот что вспоминал Чичерин: «На юбилей прибыл из Петербурга Кавелин. Однажды он приехал ко мне и стал говорить, что положение с каждым днем становится невыносимее и что так нельзя оставаться. О каком-либо практическом деле думать нечего, печатать ничего нельзя; поэтому он задумал завести рукописную литературу, которая сама собою будет ходить по рукам». Не случайно герценовские «Голоса из России» начались статьями Кавелина. В лондонской печати он выступил даже раньше, чем в российской.

¹ К.Д. Кавелин о смерти Николая I. Письма к Т.Н. Грановскому // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 596.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. IV. М., 1948. С. 297-298.

Разумеется, кавелинский «самиздат» и «тамиздат» оставались безымянными. При этом авторитет Кавелина в научных и придворных кругах как специалиста-историка и прогрессивного деятеля был в те годы столь высок, что его приглашают в воспитатели к наследнику. Перед Кавелиным возникает перспектива общественного служения, рифмующегося с позицией В.А. Жуковского, воспитавшего, как многим казалось, «просвещенного монарха» — Александра II. Но такой — вторичной в каком-то смысле, во всяком случае опосредованной, рассчитанной на десятилетия — деятельности ему явно было недостаточно. Он хотел активного участия в общественной борьбе. И прежде всего возможно более быстрого и безболезненного упразднения крепостного права, этого проклятия русской жизни. По разлитому в воздухе эпохи настроению было понятно, что самодержец этот вопрос собирается решать. Но говорить об отмене крепостного права в печати было, однако, еще запрещено. В продолжение своей «рукописной литературы» Кавелин пишет своего рода трактат — широко разошедшуюся по рукам «Записку об освобождении крестьян». Часть этой записки — без имени автора — печатает в «Голосах из России» Герцен, в «Современнике» другую часть, тоже безымянно, печатает Чернышевский. Имя автора «Записки» становится тем не менее известным, и Кавелина отстраняют от преподавания наследнику. Но профессором Петербургского университета он остается по-прежнему.

Это годы студенческих волнений в университете, требований студенческого самоуправления. Кавелин поддерживает студентов и в знак протеста против их преследования демонстративно подает в отставку. Он на стороне Герцена в полемике с либералом-охранителем Б. Чичериным, бывшим своим соратником, даже соавтором. Кавелин публикует в «Колоколе» статьи в защиту Герцена. Эта активная общественная деятельность продолжалась, несмотря на семейную трагедию — безвременную смерть сына, последовавшую спустя несколько месяцев после смерти Добролюбова. Герцен пишет Кавелину сочувствующее письмо, говорит, что посвящает ему, чтоб хоть как-то его утешить, лучшую свою статью последних лет — о Роберте Оуэне.

5. Разрыв с радикалами

1862 год. Петербургские пожары, Кавелин, как и многие современники (Достоевский, Лесков), поверил, что это дело рук «револю-

ционной партии». Начинается расхождение, а затем и разрыв Кавелина с радикальной частью общественного движения. В 1862 г. он писал Герцену в связи с арестом Чернышевского: «Аресты меня не удивляют, и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». Как показал исторический опыт, революционная партия, пришедшая к власти, и в самом деле в первые же дни прибегла к суровым репрессивным мерам, а затем и к террору. Это важно отметить, ибо именно данное письмо Кавелина, своего рода полупророчество, прежде всего ставится ему в вину – как реакционное.

В 1862 г. Кавелин печатает за рубежом брошюру «Дворянство и освобождение крестьян». 22 мая 1862 г. он писал Герцену: «Брошюра моя написана в мае 1861 года, когда российское дворянство драгло горло о конституции, разумея под нею *отмену Положения 19-го февраля*. <...> Брошюра слишком несогласна с общим настроением и потому не пошла»¹. Действительно, брошюра вызвала неудовольствие русской эмиграции разного толка. Князь П. Долгорукий в газете «Правдивый» (12 мая 1862 г.), издаваемой им в Лейпциге, объяснил факт публикации брошюры карьерными соображениями Кавелина. Герцен высказал публично сожаление о «доброшюрном Кавелине» и 7 июня 1862 г. писал старому другу: «Твоя брошюра кладет между нами предел, через который один мост и есть – твое отречение от нее...» (Герцен, XXVII, 227).

Хотя разрыв долголетних дружеских отношений с Герценом был тяжел для Кавелина, отречься от брошюры он отказался, послал своему другу оппоненту письмо с ответом по всем пунктам обвинения. Кавелин исходил из того соображения, что крестьянская реформа была проведена правительством вопреки желанию большинства дворянства, опасавшегося губительных для себя последствий. Таким образом, появление «дворянской конституции», «дворянского парламента» могло создать сильное противодействие дальнейшим реформам, что привело бы к революционному взрыву и, на взгляд Кавелина, отбросило бы Россию назад. В своем ответе Герцену от 11 июня 1862 г. он замечал: «Выгнать династию, перерезать царствующий дом – это очень не трудно, и часто зависит от глупейшего случая; снести головы дворянам, натравивши на них

крестьян, – это вовсе не так невозможно, как кажется... Только что будет за тем? То, что есть, не создаст нового, по той простой причине, что будь оно новым, – старое не могло бы существовать двух дней. И так выплывает меньшинство, – я еще не знаю какое, – а потом все скристаллизуется по-старому...»¹

Что касается среднего, третьего, сословия, то оно, по мнению Кавелина, было столь малочисленно, что пока еще могло не приниматься в расчет. Стало быть, говорить о всеобщем представительном правлении можно, только учитывая крестьянство, *мужицкое царство*, составлявшее 80% населения. Крестьяне же, справедливо полагал Кавелин, не были еще готовы даже к гражданскому самоуправлению. Герцен обиделся за народ и обвинил бывшего друга во вражде к народу, публично утверждая, что свои рассуждения Кавелин основывает «на том, что народ русский – скот и выбрать людей для земства не умеет, а правительство – умница». Правда, спустя менее десяти лет в своих предсмертных письмах «К старому товарищу» Герцен по сути согласится с Кавелиным: «Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой он чуть не зарезался». Однако, как замечали позднее отечественные историки (Н. Эйдельман, например), своевременное принятие конституции, приучавшей бы постепенно народонаселение, слой за слоем (в том числе уже появившееся и расширявшееся третье сословие), к представительному правлению, к структуре правового государства, могло бы еще в тот период, до возникновения сильных революционных партий, направить Россию на европейски-эволюционный путь развития, вводя в общественное сознание **понятие свободы**.

6. Личность, свобода, самодержавие

Кавелин боялся, что конституция окажется только дворянской, а тем самым власть захватит аристократическая олигархия, сопротивляющаяся реформам. Имеет смысл напомнить мысль многих западноевропейцев прошлого столетия, что реформы в России, необходимые для выживания страны, проводятся в жизнь враждебной этим реформам бюрократией. Это оказывается возможным только благодаря абсолютной власти самодержца. Получалось, что эту в очередной раз возникшую квадратуру круга самодержавная власть вроде бы могла решить, но, как мы знаем, мудрости у рус-

¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 82.

¹ Там же. С. 56.

ского царизма на решение этой проблемы не хватило, ибо заключалось это решение в сознательном ограничении своей власти. Употребить свою власть абсолютную власть на сокращение своего всеилия царизм не осмелился. Действительно, сочетать необходимость полной власти с ее сокращением – задача, требующая не только точного политического расчета, но и желания. Желания не было, а потому Кавелин не без основания полагал, что конституционное ограничение самодержавия свернет политику реформ. А отечественное управление, и местное, и центральное, писал он в брошюре «Дворянство и освобождение крестьян», требует «коренных преобразований; наши законы спутаны и обветшали; наше финансовое положение беспорядочно, расстроено и опасно; судопроизводство никуда не годится; полиция ниже критики; народное образование встречает на каждом шагу препятствия, гласность предана произволу, не ограждена ни судом, ни законом. <...> Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству» (Кавелин, 152-153). Именно поэтому считал он, что общество и народ еще не доросли до политических реформ.

Кавелин переходит на позиции твердого консерватизма. Однако консерваторы европейских государств полагали не переменным условием стабильности свободу личности. И вообще возможно ли «политическое представительство» без свободы? Демократы были убеждены, что человек не может выработаться в личность, если он не свободен. А стало быть, исключается и историческое развитие народа. Герцен полагал, что «...дома нет почвы, на которой может стоять свободный человек», а «свобода лица – величайшее дело; на ней и **только на ней** может вырасти действительная воля народа» (Герцен, VI, 14). Индивидуальность, личность вырабатывается только в условиях свободы. Именно понятие свободы и выпало из концепции Кавелина, во многом предопределив неосуществимость его построений. Русские либералы-консерваторы парадоксальным образом боялись свободы. Хотя парадокс вполне объясним страхом перед возможной пугачевщиной, которая вырастет на всеобщей свободе, а тем самым уничтожит и действительную свободу личности. Выбраться из этой неразрешимой дилеммы Кавелин и пытался, опираясь на идею просвещенной монархии.

Если демократы, не принимая идей дворянской олигархии, вместе с тем твердили о губительности самодержавной централизации, всепоглощающей государственности для развития экономики, общественной жизни, культуры, то Кавелин полагал, что царская власть всегда была «в России деятельным органом развития и прогресса в европейском смысле» (Кавелин, 221). Более того, он считал, что в России и вообще все благотворные перемены шли сверху, начиная с Крещения Руси: «Это великое событие было делом князя и меньшинства народа и шло, как и все великие реформы у славян, сверху вниз» (Кавелин, 190). Сверху шло и постепенное раскрепощение сословий – от дворянства до крестьянства, как утверждал историк. Надеяться на так называемую *народную* самодеятельность он не мог, полагая правовое и культурное воспитание народа крайне низким.

7. Против российской «запредельности»

Мирозерцание Кавелина в 70-80-е гг. становится пессимистичнее. Его надежда на «великий компромисс» между сословиями и партиями явно терпела неудачу. Договориться могут личности, а их-то он и не видел. В «Задачах психологии» он писал: «Живое чувство истины и лжи, правды и неправды, добра и зла меркнет в сердцах и совести людей, не находя себе пищи в господствующих воззрениях. <...> Личностям предстоит обратиться в безличные человеческие единицы, лишённые в своем нравственном существовании всякой точки опоры и потому легко заменяемые одни другими. <...> Мы уже больше не боимся вторжения диких орд; но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении, за которым по пятам идет умственная немощь»¹. Тема «вертикального, внутреннего вторжения варварства» безусловно предвещает размышления европейских мыслителей от Н.А. Бердяева и Ф.А. Степуна до Х. Ортеги-и-Гассета по поводу победы большевизма и фашизма.

Из писателей в конце 70-х гг. он чувствует внутреннюю солидарность с И.С. Тургеневым, но полемизирует с «пушкинской речью» Достоевского. Упрекая писателя в нереалистичности взгляда на народ, в несправедливом шельмовании либеральной интеллигенции, Кавелин закончил свое письмо достаточно резко: «Стало быть, – скажете вы мне, – и вы тоже мечтаете о том, чтоб мы стали европейцами? – Я мечтаю, отвечу я вам, только о том, чтобы мы

¹ Кавелин К.Д. Виноваты все // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. СПб., 1897-1900.

перестали говорить о нравственной, душевной, христианской правде, и начали поступать, действовать, жить по этой правде!» (Кавелин, 475) Но, к несчастью, безумные, трагические герои Достоевского больше говорили о возможном будущем России и тем самым были много реалистичнее, чем публицистические ламентации историка. Можно ли было с таким, как некогда говорилось, «человеческим материалом» (вроде героев Достоевского) строить либерально-прогрессивное общество? Думаю, что, называя Достоевского «пророком русской революции», Мережковский угадал много больше, чем сам в то время мог разглядеть.

Допустить, что не все подчиняется позитивистски ориентированной науке, ее логике, Кавелин не смог. Даже в романе «Новь» близкого ему по духу Тургенева Кавелин не заметил одной тревожной ноты, на которой, однако, заканчивается роман. Выступая в защиту «Нови» (большую восторженную статью о романе написала дочь Кавелина – С. Брюллова), используя его образы в своих статьях, в опубликованной за рубежом брошюре «Разговор с социалистом-революционером» (1880), Кавелин словно сознательно закрывал глаза на, так сказать, **нелиберальные структуры сознания**, характерные не только для героев Достоевского, но и для всех **действующих** героев этого романа Тургенева. «Безымянная Русь!» – так устами Паклина определяет писатель будущих делателей русской истории, включая роман. Иными словами, Тургенев предчувствовал период, когда идея личности на долгое время вновь уйдет на периферию исторического процесса в России. Самодержавный запрет на свободу личности поневоле отзеркаливал в деятельности революционных кружков и партий. Пытаясь реформировать, «воспитать» самодержавие, либералы «упустили из виду» радикалов, чувствовавших себя «орденом меченосцев», ибо только такой психологический тип мог противостоять абсолютистскому государству, а впоследствии оказаться его строителем и камешком в фундаменте.

В обществе шло заимствование западных идей и теорий без учета российского коэффициента преломления. Между тем, как считал Кавелин, по-прежнему не обращается внимание на кардинальнейшее условие внутреннего самостоятельного развития – личность, которая способна отвечать на запросы русской жизни. Даже в теоретических изысканиях проблеме личности отводилось одно из последних мест. «Нам не следует, – писал Кавелин в статье «Наш умственный строй», – как делали до сих пор, брать из Европы гото-

вые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. В Европе наука служила и служит подготовкой и спутницей творческой деятельности человека в окружающей среде и над самим собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у нас. <...> Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука. <...> Очень вероятно, что выводы эти будут иные, чем те, до каких додумалась Европа. <...> Предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и у нас совсем иные. Там до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки, наше большое место – пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности и воли» (Кавелин, 317-318).

Однако самодеятельная личность возможна только на основе «свободы лица». Но призывы к свободе были прочитаны молодыми радикалами таким образом, что обернулись кровавой большевистской революцией, при этом творчество либерально-консервативных мыслителей не получило широкой общественной поддержки. Трагическая судьба Кавелина – лучшая иллюстрация на эту тему. Все последние годы он пишет интереснейшие письма и трактаты, призывая к труду как основе человеческой жизнедеятельности, пытается восполнить недостаток психологических разработок проблемы личности (трактат «Задачи психологии», 1872), надеется на воспитательную силу искусства («О задачах искусства», 1878), пишет трактат по этике, посвященный молодежи («Задачи этики», 1884). Россия может превратиться в деловую созидательную страну, а русские люди из Обломовых в Штольцев, полагал он. Кавелин чувствовал себя *призванным* проделать подготовительную для этого работу в умах русских образованных людей. Но все кавелинские призывы к труду, к нравственности, к насаждению грамотности словно повисали в воздухе, не имея серьезного общественного резонанса, особенно среди молодежи, на которую он так надеялся.

Скончался Кавелин в 1885 г. Его провожали в последний путь как одного из выдающихся мыслителей своего времени, «учитель правды и права», как было написано на надгробном венке, возложенном его студентами-учениками. Но таких студентов было тогда не так много. Похоронен историк на петербургском Волковом кладбище рядом с другом своей юности Тургеневым.